

Первый министр экономики РФ о начале радикальных экономических реформ (о книге А. Нечаева «Россия на переломе...»)

Г.И. ХАНИН, доктор экономических наук. E-mail: khaning@yandex.ru
Сибирский институт управления, РАНХиГС, Новосибирск

Аннотация. Анализируются воспоминания бывшего министра экономики РФ Андрея Нечаева с точки зрения влияния деятельности первого постсоветского правительства России на ее текущее и долгосрочное экономическое развитие. Показано, что «хирургические меры», предпринятые Правительством в 1991 г., позволили предотвратить крах экономики страны, восстановив роль экономических рычагов и создав условия для экономической конкуренции и предпринимательской инициативы. Однако стратегические решения не имели под собой прочной основы в виде глубокого анализа достоверной экономической информации. Наиболее крупными просчетами были чрезмерные налоги на юридических лиц и недостаточные – на физических, слабые меры по стимулированию конверсии. Следствием этих ошибок стали длительное сокращение физического и человеческого капитала, чудовищная социальная дифференциация, огромная утечка капитала из России.

Ключевые слова: экономика России; постсоветский период; российская экономическая статистика; сокращение физического капитала; сокращение человеческого капитала; первое постсоветское Правительство РФ

Введение

Объясню, что побудило меня вспомнить о вышедшей более 10 лет назад книге давно, казалось, забытого высокопоставленного в прошлом экономиста.

Дело прежде всего в том, что принятые в начале 1990-х годов экономические решения до сих пор серьезнейшим образом сказываются на состоянии российской экономики. И далеко не всё в причинах и последствиях этих решений прояснено в российской экономической и исторической литературе. Мемуары А. Нечаева дают хорошую возможность обсудить этот вопрос, а также не только заглянуть за кулисы политико-экономического театра начала 1990-х годов, но и оценить игру ведущих актеров труппы, их подбор главным режиссером (или режиссерами)

спектакля, чтобы на следующем историческом цикле не допустить повторения допущенных тогда ошибок.

Откликнуться на эту книгу тем более необходимо, что, как выяснилось из Интернета, на нее до сих пор не было серьезных откликов.

На подступах к реформе

Андрей Нечаев как очевидец сообщает немало нового об истории прихода команды Е. Гайдара к экономической власти в России.

Все началось еще на закате перестройки. «Одно из выступлений Горбачева, почти полностью написанное Гайдаром, оказалось весьма удачным и было хорошо принято депутатами Верховного Совета СССР. В итоге осенью 1990 года Горбачев решил “вознаградить” Гайдара за выполненную им на высоком профессиональном уровне работу созданием “под него” Института экономической политики, призванного разрабатывать практические и теоретические вопросы экономических преобразований» [Нечаев, 2010. С. 10–11].

Боюсь, что здесь память (или неосведомленность) подвели автора. Я помню только об одном выступлении М. С. Горбачева, хорошо встреченном Верховным Советом СССР, – 18 ноября 1990 г., и оно было посвящено реорганизации центральных органов власти и борьбе с коррупцией [Горбачев, 1995. С. 585]. Тем не менее благосклонность Горбачева привела к созданию Института экономической политики (ИЭП) при Академии народного хозяйства СССР, который с момента образования до 2009 г. возглавлял Е. Гайдар.

Костяк его сотрудников составили сотрудники отдела народнохозяйственного прогнозирования Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) АН СССР. А. Нечаев восторженно отзываясь о профессиональных качествах руководителей ИНП А. И. Анчищкина и Ю. В. Яременко (действительно, достойных ученых). С их влиянием он связывает и первоначальные успехи нового института, среди которых особенно выделяет расчеты того, как отразится на состоянии советской экономики переход на мировые цены.

Согласно этим расчетам, «более двух третей отечественной промышленности, особенно обрабатывающих отраслей, оказывались

абсолютно неэффективной и явно убыточной» [Нечаев, 2010. С. 19], на основании чего А. Нечаев делает вывод о дефективности тогдашней системы ценообразования [Там же]. Вывод правильный, но, на мой взгляд, дело не столько в ценообразовании, сколько в неэффективности всей системы.

Проделанные мною позднее с учетом восстановительной стоимости основных фондов и теневой экономики расчеты реальной рентабельности советской экономики в 1990 г. показали, что на тот момент ее убыточность составляла примерно 6,2% ВВП [Ханин, 2009]. То есть, по сути, они совпадали с выводами ИЭП 1991 г. Конечно, оба расчета содержат немало условностей и не претендуют на точность, но говорят о критическом положении советской экономики в конце перестройки, еще до начала радикальных рыночных реформ.

Довольно любопытные воспоминания в первой части книги связаны с историей формирования экономического блока правительства Б. Ельцина в ноябре 1991 г. Автор отмечает, что в этом была «немалая доля случайности» [Нечаев, 2010. С. 10]. Сам процесс выбора этой команды многое говорит о характере российской государственности на раннем ее этапе.

Случайностью было знакомство Е. Гайдара с очень близким Б. Ельцину Г. Бурбулисом в одну из ночей осады Белого дома. В начале октября 1991 г. Г. Бурбулис поручил Е. Гайдару разработку программы экономических реформ [Там же. С. 28], что, конечно, не могло не сыграть важную роль в последующем выборе его в качестве главы экономического блока правительства. Другим событием было поручение Г. Бурбулиса именно команде Гайдара готовить знаменитый доклад Б. Ельцина на пятом съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г., в котором были изложены основные элементы радикальной экономической реформы. А. Нечаев не скрывает, что именно Г. Бурбулис сыграл ключевую роль в назначении Егора Гайдара главой экономического блока правительства. «Всех нас вытащил Бурбулис. Это надо прямо сказать» [Там же. С.32].

Очень любопытен, и, судя по всему, малоизвестен, рассказ А. Нечаева о перипетиях вокруг формирования первого «реформационного» Правительства РФ с кандидатурами Г. Явлинского и Г. Бурбулиса во главе [Там же. С. 34–37]. Притом, что, если верить автору, команда Гайдара уже имела детальный план

и даже график проведения реформ [Там же. С. 38]. Сам А. Нечаев уверен, что решающую роль сыграли позиция «демократических фракций» Верховного Совета РФ [Там же. С. 38–39] (хотя других подтверждений этого в литературе нет) и поездка Г. Бурбулиса в Сочи, где тогда отдыхал Ельцин, на «которой все и решилось». В таком случае короткая встреча Е. Гайдара с Б. Ельциным накануне назначения могла иметь второстепенное значение.

Отмечу, что второй потенциальный кандидат на кресло премьера – Г. Явлинский тогда тоже имел разработанный план проведения радикальной экономической реформы. Но он был ориентирован на создание экономического союза и, таким образом, сохранение СССР, пусть и в виде конфедерации, что для Б. Ельцина на тот момент было неприемлемо. А в команде Е. Гайдара уже тогда думали о российской национальной валюте и переходе к торговле с республиками в мировых ценах (Там же. С. 30). Таким образом, выбор Е. Гайдара Б. Ельциным был не такой уж случайностью. Другое дело, был ли он оправдан.

Экономическое положение России в конце 1991 г. и приход команды Е. Гайдара

Невозможно правильно оценить приход команды Е. Гайдара и его последствия, не учитывая особенностей экономического положения России в конце 1991 г. по сравнению с началом года. Провал ГКЧП и паралич всех союзных структур власти, включая роспуск КПСС, привели экономику СССР, непрерывно разваливавшуюся в предшествующие месяцы, в состояние паралича. И А. Нечаев, и Е. Гайдар много внимания уделяют этому факту, подробнейшим образом описывая катастрофическое состояние российской экономики в этот период.

А. Нечаев описывает свое впечатление от гастронома около своего дома, куда он заглянул после окончания работы: «Магазин был девственно пуст. Видимо, продавщицам абсолютно пустые полки казались тягостными и они все их заставили единственным имевшимся продуктом – баночками с аджикой» (Там же. С. 75). Точно таким же, как подсказывает моя память, было положение в крупнейшем продовольственном магазине Академгородка (ТБК) в декабре 1991 г.

Очевидно, что причина заключалась в фиксированных ценах на многие продовольственные товары, которые уходили

на «колхозные» рынки или в коммерческие киоски, где они продавались по многократно более высоким ценам, доступным лишь малой части наиболее состоятельных слоев из той же торговой буржуазии, коррумпированного чиновничества и криминала, либо оседали в кладовках магазинов и торговых баз в ожидании дальнейшего роста цен. Положение городского населения облегчалось тогда крайне скудными пайками (не всегда отовариваемыми) по официальным ценам.

Но, помимо личных впечатлений, о катастрофическом экономическом положении говорят данные статистики и сообщения ведомств и местных органов власти, приводимые в воспоминаниях Егора Гайдара [Гайдар, 1996. С.132–143]. Достаточно сказать, что СССР оказался фактическим банкротом, не имея возможностей выполнять свои обязательства по долгам и текущим поставкам [Там же. С. 135–136]. Другой пример: на 1 декабря 1991 г. государственные запасы зерна сократились по сравнению с прошлым годом в два раза и даже при сокращении ежемесячного потребления на 20% их могло хватить только до середины февраля [Там же. С. 132].

Убедительной иллюстрацией плачевного положения российской экономики и ее институтов накануне прихода к экономической власти команды Е. Гайдара служит рассказ А. Нечаева о положении с выдачей разрешений на экспорт нефти – основной валютный товар того времени: «Начав разбираться с этой проблемой, мы обнаружили, что в последние месяцы 1991 года квот на экспорт нефти было выдано больше, чем прогнозировалось ее производство. В основном решения принимались между августом и ноябрем, когда в значительной мере была потеряна управляемость народным хозяйством, а многие чиновники почувствовали, что им скоро придется уходить и прежнее правительство ударилось в какую-то безудержность (хорошее выражение -Г. Х.). Учитывая существовавшую тогда колоссальную разницу между мировыми и внутренними ценами, а также отсутствие налога на экспорт, получение квот на экспорт было равносильно получению прибыли в сотни процентов. Речь шла об операциях, которые могли в течение недель или месяцев озолотить человека. Не хочу обвинять всех чиновников, но некоторые стали воровать просто отчаянно. Среди получивших лицензию обнаружились многочисленные фирмы, не имевшие никакого отношения

ни к производству нефти, ни к ее переработке, ни к бывшим государственным спецэкспортерам. Какой-нибудь кооператив оказывался владельцем квоты на экспорт нескольких миллионов тонн нефти, что при имеющейся в то время разнице цен на мировом и внутреннем рынке давало доход в сотни миллионов долларов. Можно было только догадываться о том, как и между кем этот доход распределялся» [Нечаев, 2010. С. 270–271].

В своей книге по экономической истории СССР и России в 1988–1991 г. я рассматривал шесть программ выхода из экономического кризиса советской экономики и пришел к выводу, что радикальная экономическая реформа была наилучшим вариантом [Ханин, 2009. С. 279–327]. Но этот вывод базировался на анализе экономического положения в 1990 г., тогда как для положения в конце 1991 г. все другие варианты были непригодны, поскольку требовали для своего осуществления времени, которого у страны уже не было, как и дееспособного государственного аппарата, способного воплотить их в жизнь. Ввиду этого рассматриваемые программы не имели практического значения в конкретной обстановке конца 1991 г.

Е. Гайдар и его окружение в тот момент оказались единственной группой экономистов, готовой взяться за спасение российской экономики от катастрофы с помощью тяжелой хирургической операции. Можно назвать более квалифицированных экономистов и администраторов, которые были тогда в России, но они не являлись одной командой и не были готовы на радикальные меры, справедливо оценивая тяжелые последствия такого решения.

Несомненно, сыграли роль молодость и амбициозность членов команды Е. Гайдара. Именно так я, при всем критическом подходе к реформам Е. Гайдара, оценивал его действия на их начальном этапе [Ханин, 2009].

Зачем нужно Министерство экономики?

А. Нечаев подробно описывает свою деятельность на посту министра экономики РСФСР с конца 1991 г. до отставки в марте 1993 г. Прежде чем оценить его работу, поделюсь своими соображениями о роли этого ведомства в системе министерств экономического блока.

В отличие от многочисленных отраслевых и функциональных министерств, решающих узкие задачи экономического управления, Министерство экономики занимается стратегическими вопросами. Это своего рода генеральный штаб экономики. Недаром оно формировалось на базе Госплана СССР.

Красочное описание его «овладения» Госпланом СССР, подчинявшимся еще не распущенному руководству СССР, представляет большой интерес для понимания ситуации в стране в тот период и немалой дерзости (если не нахальства) команды Е. Гайдара. А. Нечаев откровенно пишет, зачем необходимо было срочно «брать» союзный Госплан, переименованный к тому времени в Министерство экономики и прогнозирования: «В первую очередь, нам нужны были его кадры, ибо традиционно все лучшие специалисты по экономике были в Госплане СССР... Люди, сидевшие здесь, представляли себе реальную экономическую ситуацию, владели обширной статистикой, были в курсе положения дел не только на уровне отраслей и регионов, но знали положение дел на заводах, сельхозпредприятиях и т.д.¹ Это были лучшие экономисты-практики» [Нечаев, 2010. С. 52].

Описывая свою деятельность в качестве министра, А. Нечаев начинает с обоснования мер правительства по либерализации экономики: «Оставался один шанс – максимально быстро запустить саморегулирующиеся рыночные механизмы экономического развития. Была сделана ставка на те решения, которые пробудили бы инициативу людей, заставили “шевелиться” предприятия, стимулировали извлечь из закромов запасы сырья, материалов, товаров, активизировали бы внутреннюю и внешнюю торговлю, оживили бы замирающее производство, одним словом, заставили бы “экономических субъектов” действовать, и действовать не из под палки, а потому, что им это выгодно или, по крайней мере, дает надежду на выживание» [Там же. С. 90].

Мысли в русле экономического либерализма, по принципу «спасение утопающих – дело самих утопающих», требующие просто ничего не делать сверху и не предполагающие никаких усилий от министерства. Для успешной реализации этого принципа при переходе от командной к рыночной экономике

---

¹ Насчет знания предприятий – явное преувеличение, разве что по прежней работе. Предприятия были прерогативой отраслевых министерств.

требовались сотни самых разнообразных предпосылок, которых не было, и появлению которых, помимо усилий предприятий и населения, и должны было содействовать государство, включая прежде всего Министерство экономики.

Вот об этом в воспоминаниях Нечаева почти ничего не сказано (видимо, потому, что нечего было сказать). Правда, он с гордостью пишет о 46 документах по подготовке к рыночным реформам, выполненных в Министерстве экономики и финансов в конце 1991 г. [Там же. С. 111], но основная их часть, как видно из их названия, относилась к Министерству финансов, еще не выделившемуся в самостоятельное ведомство (это произошло в феврале 1992 г.).

К числу стратегических решений, принимавшихся Министерством экономики в начале 1992 г., относятся решения об объеме бюджетных капитальных вложений и военных расходов. Обе эти статьи занимали очень большую долю в ВВП и федеральном бюджете, и при необходимости обеспечить для снижения инфляции ликвидацию (или хотя бы резкое снижение) дефицита федерального бюджета сокращение обеих статей представлялось неизбежным. Вопрос – в каком размере и каким образом?

Вот как описывает этот процесс применительно к централизованным капитальным вложениям А. Нечаев: «Мы подготовили в “моих” экономических подразделениях Министерства экономики и финансов общий прогноз, прикинули, каковы могут быть объемы производства, а значит, и доходы бюджета. А потом, исходя из этих оценок и установленной нами в качестве максимально допустимой величины бюджетного дефицита в 10% ВВП, начали просто по “живому” резать расходную часть, оставляя из союзных затрат тот минимум, который Россия могла взять» [Там же. С. 116]².

Рассказ, конечно, очень упрощенный, оставляющий в стороне массу проблем (уровень налогообложения, собираемость налогов, распределение доходов между федеральным и региональными бюджетами, методы прогнозирования объемов производства и т.д.). Важен результат. Предлагавшийся прежним состав министерства объем централизованных капитальных вложений

---

² Сколько мне помнится, на 1 квартал 1992 г. планировался бездефицитный бюджет. И фактически он был бездефицитным. См.: [Ясин, 2002].

в размере 65 млрд руб. (в ценах 1991 г.) было решено сократить почти вдвое – до 35 млрд [Нечаев, 2010. С. 117]. Фактически речь шла и об общем сокращении инвестиций в два раза, ибо у субъектов Федерации и предприятий дело с финансовыми ресурсами обстояло не лучше, чем у федерального центра. Такое встречалось и в западной рыночной экономике в периоды экономических кризисов.

Был ли кризис 1992 г. циклическим? Безусловно, нет. Это был кризис переходного периода, или трансформационный, как его назвал Я. Корнаи. Сколь долго он мог продлиться? Это зависело и от конкретных условий страны, и от успешности ее экономической политики. В большинстве стран Восточной Европы экономический подъем начался уже через 2–3 года после начала реформ. В России кризис продолжался около 10 лет. Задумывался ли А. Нечаев о причине этого спуска 20 лет после рассказанных им событий? Не видно.

Нет нужды объяснять, к каким драматическим последствиям привело решение сократить капитальные вложения в два раза. Оно повлекло пропорциональное сокращение строительного комплекса, производства строительных материалов, инвестиционного машиностроения, импорта инвестиционных товаров и столь же драматическое ухудшение финансового положения тысяч предприятий и занятости их работников, оплаты их труда. И, конечно, все это отразилось на динамике основных фондов и без того, по альтернативным оценкам, сжавшихся в предыдущие годы. Но если в отдельных отраслях они были избыточны, то, во многих других их явно не хватало для обеспечения нужд экономики новой техникой и удовлетворения потребностей населения.

Не менее судьбоносным было решение о сокращении военных расходов, учитывая их огромный уровень в СССР. О том, как оно принималось, подробно пишет А. Нечаев.

Он указывает на огромную расточительность в расходах на содержание личного состава из-за чрезмерной численности вооруженных сил: «Выяснилось, что эта армия в значительной степени была небоеспособной, занималась фактически охраной собственного накопленного оружия и боевой техники. Это было каким-то кошмаром... Причиной был колоссальный недокомплект непосредственно в боевых частях... Сотни тысяч людей

трудятся в аппарате управления, в многочисленных ведомствах при Минобороны и генштабе, в военных научных институтах, академиях и училищах, военкоматах, а также в разнообразных специальных и вспомогательных частях – строительных, железнодорожных, госпиталях и т.д.» [Нечаев, 2010. С. 141]. Вполне в духе общей расточительности советской экономики. Отсюда его вывод, что «сокращать расходы на содержание армии можно, только сокращая саму армию». Но выяснилось, что «если проводить сокращение армии, то потребуются еще большие деньги. Когда офицера увольняют по сокращению, ему надо платить выходное пособие, давать жилье, а у нас и так масса бесквартирных офицеров. Было ясное ощущение, что мы в тупике» [Там же. С. 143, 144].

Еще большей проблемой было сокращение закупок военной техники и боеприпасов. И здесь, если верить А. Нечаеву, часто был тот же тупик. «Увидев, что боеприпасов в стране накоплено на 100 лет вперед, я дал команду вообще свести закупки новых боеприпасов к нулю, но тут же выяснилось, что таким решением мы загубим всю отрасль их производства. Возникал вопрос: а что делать с заводами, производящими порох и другие взрывчатые вещества? В перспективе запасы могли закончиться, значит, на этих производствах нужно было сохранить мощности... Существует такое понятие, как потеря технологии: если завод перестает производить сложную в технологическом отношении продукцию, он потом попросту не сможет начать ее выпускать, во всяком случае, достаточно быстро» [Там же. С. 147]. Именно такая потеря технологий и произошла во многих высокотехнологичных отраслях российской экономики после 1991 г.

«Самому жесткому и даже жестокому сокращению подверглись закупки серийных вооружений. Исходя из общих финансовых возможностей и других оборонных расходов, мы приняли решение сократить эти закупки на 80% их текущего уровня» [Там же. С. 150]. Но, по его словам, сокращение не было огульным: сохранилось производство стратегических бомбардировщиков и ракетных комплексов «Тополь», зато производство танков сократилось вплоть до нескольких единиц. То же самое касалось и многих других видов военной техники-самолетов, подводных лодок, авианосцев [Там же. С. 151–152].

Не подвергая сомнению необходимость в тех конкретных условиях радикального сокращения закупок военной техники с их неизбежными катастрофическими последствиями для оборонных предприятий, задаешься вопросом, почему не были использованы компенсирующие возможности конверсии, хотя бы частично. Этот процесс начался еще в 1989 г. и должен был, казалось бы, резко активизироваться в 1992–1993 гг.

Не обходит этот вопрос и А. Нечаев: «Понимая сложное положение, в котором оказались предприятия, лишившиеся оборонного заказа, я инициировал использование новой формы их поддержки – государственный конверсионный кредит. Он выдавался на предельно льготных условиях – под 8% годовых (напомню, что ставки коммерческого кредита уже превышали 100% в год) на финансирование перепрофилирования производственных мощностей» [Там же. С. 153]. К сожалению, автор не раскрывает ни сроков кредита, ни его величины, зато приводит несколько примеров удачной конверсии [Там же. С. 154].

Другим средством облегчения положения оборонной промышленности было увеличение экспорта военной продукции на коммерческих началах (вместо невозвращаемых кредитов союзникам СССР) [Там же. С. 155]. Здесь Минэкономики добивалось увеличения возможностей такого экспорта самими предприятиями, минуя посредников.

Тщательный анализ показывает, что прямые результаты конверсии в 1992–1993 гг. были ничтожны [Ханин, 2014. С. 509–519]: при двукратном сокращении выпуска вооружения и военной техники в 1992 г. объем гражданской продукции ВПК не вырос. Большие возможности открывались в связи с косвенной конверсией в результате высвобождения материальных ресурсов и квалифицированной рабочей силы для использования в гражданской экономике и для экспорта, но и ее результаты были невелики.

И здесь встают вопросы об ответственности Минэкономики и других ведомств за плохую организацию конверсии, а также о качестве управленческих и инженерных кадров ВПК. К сожалению, эти вопросы не исследованы нашими историками. На мой взгляд, в этом секторе, как и во многих других, на качестве управленческих и инженерных кадров не могли не сказаться, как минимум, два предыдущих десятилетия отрицательного отбора.

Ничего не пишет А. Нечаев о важнейшей для будущего экономики и обороноспособности страны части военных расходов, связанных с исследованиями и разработками. В СССР они составляли большую часть расходов на науку. Учитывая ключевую роль науки в развитии экономики и обеспечении безопасности страны, такое упущение выглядит очень странным.

Вижу только одно тому объяснение: эта проблема не занимала ни самого А. Нечаева, ни возглавляемое им министерство, ведь наука входила в ведение Министерства науки и высшего образования. На мой взгляд, для штаба реформ такое пренебрежение было непростительной ошибкой. В 1992–1993 гг. произошли катастрофическое сокращение расходов на науку и сопутствующая ему огромная и невосполнимая деградация научно-технического потенциала России [Там же. С. 521–538].

Казалось бы, резкое снижение капитальных вложений, расходов на оборону и науку, помощи бывшим союзникам и союзным республикам СССР – тех статей, которые занимали значительное место в конечном использовании ВВП СССР, должно было, как минимум, обеспечить сохранение прежнего объема фонда личного потребления, даже при сокращении ВВП. Но и он сильно сжался, не говоря уже об огромном сокращении доходов большей части населения. Макроэкономист А. Нечаев об этой проблеме даже не упоминает.

В 1996 г. совместно с Н. И. Суловым я произвел балансовый расчет создания и распределения ВВП России за 1992–1995 гг. [Ханин, Сулов, 1997]. Тогда выяснилось, что экспорт капитала из России за этот период превысил триллион долларов. Кто мешал А. Нечаеву с его многочисленным штатом произвести такой расчет еще в 1993 г.? Может, просто не было желания из опасения получить нелицеприятные выводы? И не следует винить Запад. Он, безусловно, выиграл, но во многом – пользуясь глупостью и бездеятельностью российской власти того времени.

О чем не говорит А. Нечаев?

Я опустил из экономии места некоторые темы воспоминаний. Сосредоточусь на наиболее очевидных упущениях в деятельности штаба экономики, помимо ранее упомянутых вопросов с балансом ВВП и др.

Начну со статистики. Автор в самом начале книги сетует на низкое качество советской статистики в отношении определения рентабельности экономики, и после этого тема достоверности статистики больше не поднимается. Вероятно, он о ней не задумывался и слепо полагался на данные Росстата.

Например, его совершенно не заботила такая ключевая для определения положения экономики тема, как оценка основных фондов. А масштабы искажений здесь приняли значительные размеры еще в советский период и неизбежно должны были вырасти в огромной степени в период высокой инфляции 1991–1993 гг. Российские власти спохватились с большим опозданием и в 1992 г. произвели пересчет стоимости основных фондов лишь с 1 июля 1992 г. без учета их недооценки в предыдущий период. Ошибочная оценка основных фондов делала бессмысленными все финансовые показатели, в этих условиях была невозможна сколько-нибудь осмысленная макроэкономическая политика. Даже если Росстат административно не подчинялся в то время правительству, оно имело возможность влиять на его деятельность.

Другое явное упущение – налоговая политика. Нет нужды доказывать ее огромное значение в рыночной экономике. При анализе размеров и характера налогов, введенных в декабре 1991 г., не перестаешь изумляться: по отношению к предприятиям они были установлены на максимально высоком уровне³. И это притом, что по расчетам самого А. Нечаева, в мировых ценах советская промышленность даже до начала реформ была нерентабельной. В переходный период из-за сокращения производства эта убыточность должна была неизбежно вырасти. Непосильный уровень налогов просто толкал предприятия реальной экономики на свертывание производства, тогда как теневая экономика, всякого рода посреднические предприятия и криминал оказались в привилегированном положении. Пусть их реальные доходы трудно было установить, но приобретенную ими недвижимость утаить было невозможно. Между тем налог на недвижимость физических лиц был установлен в размере всего лишь 0,1% от их инвентаризационной стоимости, которая тогда могла отличаться от рыночной в сотни раз.

---

³ Налоговый портфель. М., 1993.

Новое правительство довольно легкомысленно отнеслось к созданию налоговой службы, которой при СССР не было. Достаточно сказать, что ее работникам были установлены очень низкие оклады, что просто толкало многих из них на получение взяток от нарушителей налогового режима.

Конечно, создание работоспособной налоговой системы и эффективных налоговых органов – это очень непростой вопрос, требующий много времени и усилий. Но они-то как раз и не были приложены на начальной стадии рыночных реформ.

Серьезные ошибки были допущены в ходе малой приватизации 1992–1993-х гг. Вопреки закону о приватизации оценка стоимости основных фондов предприятий производилась по инвентаризационной, а не восстановительной стоимости, из-за чего были упущены огромные доходы бюджета [Ханин, 2009. С. 23–29].

Вопиющие недостатки были допущены в деятельности таможенной службы, что привело к масштабному нелегальному импорту и экспорту с соответствующими потерями федерального бюджета, а также поставило в тяжелое положение отечественных производителей вследствие недобросовестной конкуренции и отсутствия сырья и материалов.

В объемной книге А. Нечаева нет ни слова об огромной социальной дифференциации начала 1990-х годов, хотя для того, чтобы о ней узнать, не нужно было даже заглядывать в статистику – достаточно было пройтись по улицам, проехать в метро и увидеть множество людей, роющихся в мусорных ящиках и выпрашивающих милостыню. Вероятно, описанный в мемуарах поход в магазин в декабре 1991 г. был последним контактом А. Нечаева с жизнью простых людей.

Что с результатами?

Конечным экономическим результатам своей деятельности А. Нечаев посвящает всего две страницы из 575, и в них нет ни одной цифры, хотя они, конечно, измеряются не только количественно. Сам автор делает упор на институциональных изменениях и их краткосрочных последствиях для быта: «Мы многое изменили в экономической системе, ушли от тотального госзаказа и централизованного финансирования, от лимитов на материальные ресурсы и так называемого фондирования,

от централизованного обеспечения, распределения и снабжения и т.д. По существу, не осталось старых административных рычагов... Нас “стращали” перед началом реформ: разрушите систему, рухнет экономика. Но нет, не рухнула, наоборот, начинается, хотя и с немалыми трудностями, – выздоровление. Исчез дефицит в магазинах. Свободно продаются товары длительного пользования – холодильники, телевизоры, одежда... После тотального дефицита перед распадом СССР даже такое скромное изобилие было огромным достижением... Стали быстро возникать живые рыночные связи, пронизывающие экономику, основанную на взаимных интересах партнеров, эффективности и целесообразности, а не бюрократическом порядке... Кому-то эти результаты могут показаться скромными. Мне они кажутся огромными. Достигнуть их было фантастически трудно. А главное, реальной альтернативой были крах, голод, распад России и гражданская война в стране с ядерным оружием» [Нечаев, 2010. С. 465–466].

Я бы добавил к этому списку побед новые возможности проявления хозяйственной и прочей инициативы вдобавок к появившимся в годы перестройки. Был гигантский взрыв экономической активности. Возникли сотни тысяч новых предприятий (преимущественно, конечно, – в наиболее рентабельной тогда сфере услуг, находившейся в жалком состоянии в СССР), в том числе в ранее совершенно не известных в стране сферах, таких как банковское дело, рынок ценных бумаг, риелторская деятельность и организация иностранного туризма частными компаниями. Они дали новую занятость миллионам людей и облегчили жизнь наиболее состоятельной части населения.

К тому же не все сокращения производства и занятости были вредными: в СССР существовало огромное количество неэффективной деятельности и избыточной занятости – как в ВПК, так и в ряде гражданских отраслей реальной экономики и в науке. Они создавали отрицательную добавленную стоимость.

Заключение

В условиях, сложившихся в результате кризиса советской модели социально-экономического устройства и полной дезорганизации госуправления, глубокий и длительный кризис с тяжелыми последствиями для населения был неизбежен. Первоначальные действия Правительства РФ были направлены на предотвращение

полного краха экономики и запуск, пусть и несовершенных, экономических рычагов и механизма конкуренции. Этого удалось добиться. Однако плохо продуманные действия по регулированию экономики в совокупности с низкими ценами на энергоносители привели к глубокому экономическому кризису 1990-х гг., тяжелейшим материальным и психологическим жертвам большинства населения и усилили отставание России от ведущих государств мира. Эти ошибки первого года радикальной реформы до сих пор сказываются на способности российской экономики обеспечить экономический подъем.

При этом я вовсе не склонен все огромные трудности постсоветского экономического развития относить на счет молодых и неопытных реформаторов. Огромную роль играли многие пороки советской экономики и потери человеческого капитала России в XX веке. Последнее сказалось и на подборе актеров политического и экономического театра начала 1990-х гг., в том числе и руководителя генерального штаба экономики – Министерства экономики. Как говорил по другому поводу И. Сталин, «других писателей у меня для Вас нет». С важным уточнением для обоих случаев: из числа близких к власти. Иначе говоря, какова власть – таковы у нее писатели и экономисты.

Литература

Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1996. 78 с.

Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Том 1. М., 1995. 575 с.

Нечаев А. Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. Без купюр и цензуры. М.: Астрель, 2010. 576 с.

Ханин Г. И., Сулов Н. И. Экономика России в 1991–1996 годы: альтернативная оценка // ЭКО. 1997. № 11. С. 45–69.

Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Том 2. Экономика СССР и РФ в 1988–1991 годы. Новосибирск, 2009.

Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Том 3. Российская экономика в 1992–1998 годы. Новосибирск, 2014. С. 294

Ясин Е. Г. Российская экономика. Кн. 1. Истоки и панорама рыночных реформ. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2002. 448 с. G. I.

Статья поступила 06.05.2021

Статья принята к публикации 01.06.2021

Для цитирования: *Ханин Г. И.* Первый министр экономики РФ о начале радикальных экономических реформ (о книге А. Нечаева «Россия на переломе...») // ЭКО. 2021. № 10. С. 176–192. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-10-176-192

Summary

Khanin, G.I., Doct. Sci. (Econ.), Siberian Institute of Management, RANEPА, Novosibirsk

The First Minister of Economy of the Russian Federation on the Beginning of Radical Economic Reforms in Russia (about Russia is at a Turning Point by Andrey Nechaev)

Abstract. The memoirs of the first Russian Economic Minister of the Russian Federation, Andrey Nechaev, are analyzed from the point of view of the impact the first post-Soviet Russian government made on the current and long-term economic development of Russia. It has been shown that, at the end of 1991, Russia's economic situation was desperate. The first steps of the Russian government towards surgical treatment were thought to be justified. They made it possible to prevent an economic meltdown by restoring the role of economic instruments and creating conditions for economic competition and business initiatives. However, the strategic decisions were wrong. They were not based on an in-depth analysis of the situation in the economy, according to reliable economic information. The biggest miscalculations were imposing excessive taxes on legal entities and insufficient taxes on individuals. These were inadequate measures to stimulate conversion. The consequence of these mistakes was the long-term reduction of physical and human capital, enormous social differentiation, and a huge capital outflow from Russia.

Keywords: *Russia's economy; post-Soviet period; Russia's economic statistics; reduction of physical capital; reduction of human capital; the first post-Soviet government of the Russian Federation*

References

- Gaidar, E. (1996). *Days of Defeat and Victory*. Moscow. 78 p.(In Russ.).
- Gorbachev, M. S. (1995). *Life and Reforms*. Vol. 1, Moscow. 575 p. (In Russ.).
- Khanin, G. I. (2009). *Economic history of Russia in recent times, Vol. 2, Economy of the USSR and the Russian Federation in 1988–1991*. Novosibirsk. (In Russ.).
- Khanin, G. I., Suslov, N. I. (1997). Russia's Economy in 1991–1996: an alternative assessment. *ECO*. No.11. Pp. 45–69. (In Russ.).
- Khanin, G.I. (2014). *Economic history of Russia in recent times*. Vol.3, *Russian Economy (1992–1998)*. Novosibirsk. (In Russ.).
- Nechaev, A. (2010). *Russia at a turning point. Candid notes of the first Minister of Economy. Without cuts and censorship* Moscow. Astrel Publ. 576 p. (In Russ.).
- Yasin, E. G. (2002). *Russian.Book 1. Origins and Panorama of Market Reforms*. Moscow. HSE Publishing House. 448 p.(In Russ.).

For citation: Khanin, G.I. (2021). The First Minister of Economy of the Russian Federation on the Beginning of Radical Economic Reforms in Russia (about Russia is at a Turning Point by Andrey Nechaev). *ECO*. No. 10. Pp. 176–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-10-176-192